

Чтобы свеча не погасла

Сердито ревуший мотор вдруг сконфуженно чихнул, дернулся и затих. В наступившей тишине стало слышно, как бурлит, вспениваясь и расходясь кругами, беспокойная мстинская вода и гудит высоко в небе самолет. Рванув на себя витой засаленный шнур и не добившись ничего, кроме легкого взбрыкивания винта, Иван Иванович взялся за весло и направил лодку к берегу, благо он был совсем рядом и до кустов, дрожащих под напором воды, можно было дотянуться рукой. Но течение подхватило нас и понесло наперегонки с пузырями и ключьями прошлогодней травы, застревавшей в частом гребне прибрежного ивняка бурыми неопрятными лохмами. Наконец лодка уткнулась в заилившееся дно, и моторист наш, хмуро оглядев жалко оголившийся винт, буркнул с досадой: «Болты срезало...» И, кряхтя, выволок из-под кормовой доски запасной мотор, предусмотрительно прихваченный в дальнюю дорогу...

И вот опять мы на середине реки, и опять она норовит пустить нас по течению, как щепку. Но мы хоть и с натугой, но все же ползем мимо угрюмых лесистых берегов, еще хранящих запах талого снега и прелой листвы, сквозь которую то здесь, то там пробиваются синие огоньки подснежников.

Остались позади Нижние и Верхние Перелески, Корчажиха и Кривое Колено, проплыли над головой провислые провода высоковольтной линии, а до Низовки, куда мы с отцом Дмитрием направлялись за колоколом для Никольской церкви, было еще далеко. Скрытый сумрачный мир прибрежных кустов, едва подернувшихся зеленоватой дымкой, нехотя открывал нам свои тайны, являя взору то птичье гнездо, то родник, дрожащий серебряной нитью ручья, то трясогузку, пьющую из лужицы воду... И жаль было, что надоедливый стук мотора мешает услышать, чем живет в эту радостную пору лес и как плещется и шумит на перекатах река. Здесь она была тише, спокойнее и больше уж не напоминала норовистую необъезженную лошадь, какой казалась вначале. Лодка пошла шибче, и берега уже не тянулись томительно и скучно, а бежали чередой, меняясь так быстро, что я не все успевал разглядеть. Перекричать мотор было трудно, и мы с отцом Дмитрием молча показывали друг другу то на уток, поднявшихся на крыло, то на журавлей, медленно плывущих в синем омуте неба, и кивали головой, улыбаясь и разводя руками от невозможности выразить все, что открывалось нам в тот солнечный апрельский день, еще не набравший силу и дышавший утренней сыростью и холодком.

Мир Божий был поистине прекрасен, и когда мы пристали наконец к берегу и вошли на травянистый бугор, навстречу нам выбежали дети, давно и нетерпеливо поджидавшие нас. Это было видно по тому, с каким жадным любопытством смотрели они на отца Дмитрия, разглядывая непривычное его одеяние и большой наперсный крест, жарко сиявший на солнце, с какой радостной готовностью вызвались показать дом Анастасии Семеновны Васильевой, через которую велись переговоры о передаче колокола Никольской церкви. Событие это, по всей видимости, долго обсуждалось в деревне, и мужики, как водится, намекнули на магарыч, сочтя такую форму расчета самой что ни на есть подходящей, но баба Настя резонно возразила, что тогда, мол, пойдут разговоры, будто низовские пропили колокол, да и не дело это - мешать грех со спасеньем... Узнали мы об этом от нее самой, когда прошли сквозь темные сени и поднялись в дом, пахнущий печным теплом и пирогами. В большое настенное зеркало заглядывало солнце, теплыми бликами расплескавшееся по половикам и придававшее комнатам вид беззаботный и веселый. Был канун Пасхи; на круглом столе горкой лежало неглаженое белье, распространявшее запах улицы и ветра; хозяйка гремела на кухне ухватами и вышла к нам из-за ситцевой занавески, вытирая руки о край передника, чтобы сообщить, как уладилось дело с колоколом, куда идти дальше и как много перед праздником хлопот...

Мы не стали досаждать ей разговорами и, отказавшись от молока и чая, направились дальше. Обсаженная ивами улица забирала в гору и сворачивала к часовне, в незапамятные времена построенной купцом Поташевым. Что это был за человек, не

пожалевший денег на святое дело, и как сложилась его судьба, здесь давно забыли, как забыли и о том, как военные сняли и увезли куда-то колокола, один все же оставив, чтобы звонить, если, не дай Бог, случится пожар, или зимой, в сильную метель.

В три гулких раскатистых голоса, бывало, будили они сырую речную тишину по большим церковным праздникам или когда батюшка из Устья приезжал служить молебен о ниспослании дождя в засушливое лето. Нет давным-давно ни церкви в Устье, ее разобрали на кирпичи, оставив один фундамент, нет и самой деревни, точно ее и не было никогда, нет и отца Николая, ни за что ни про что арестованного и пропавшего незнамо где...

А колокол еще долго висел в разоренной и заброшенной часовне, едва слышно отзываясь на всякий шорох и скрип, покуда по команде совхозного начальства не перенесли его в житницу. Часовню превратили в постоянный двор для сезонных рабочих. Народ здесь обитал разный, и кто-то, прикинув, сколько пудов бесхозной меди пропадает в ветхом амбарчике, решил оплошку эту исправить, снарядив однажды ночью экспедицию в Низовку. Искателей приключений деревня встретила стрельбой и таким неистовым и дружным собачьим лаем, что они за благо сочли удалиться восвояси. Колокол после этого спрятали в хлеву у Ивановых. К ним-то мы с отцом Дмитрием и направились, сопровождаемые эскортом из деревенской ребятни.

В Низовке тринадцать домов, срубленных столь основательно и добротнo, что невозможно представить, как замирает к зиме эта ладная, красивая деревня, с которой хоть картины пиши. Но отойдет дачный сезон, опустеют огороды, грустно пахнущие подопревшей картофельной ботвой и капустным листом, и закуритса Низовка тремя хмурыми дымами, как какой-нибудь глухой и дальний хутор. Да и то сказать - до магазина, почты и медпункта пять верст по бездорожью; до ближней Дубровки, переправившись на лодке и взойдя на крутой и высокий мстинский берег, вроде и поближе, но путь этот, если идти с поклажей, покажется бесконечным. Тропка то ныряет в сырой и сумрачный овраг, то взбегаеt наверх и петляет в дремучем ельнике, то и дело натываясь на поваленное бурей дерево, и в конце концов приглашая перебраться через обмелевшую речушку по хлипким, ненадежным мосткам. Хуторская обособленность приучает держаться друг друга, и даже дети, большие и маленькие, городские и свои, играют не каждый сам по себе, а все вместе. Мы успели в этом убедиться, наблюдая за их пестрым и шумным табором со стороны, покуда мужики прилаживали колокол брезентовыми вожжами к еловой жерди. В вязком сумраке не видно было ни колокола, ни добровольных помощников, взявшихся доставить его к лодке.

Высоко в небе плескался невидимый в золотистой сини жаворонок, мычала в хлеву обеспокоенная непонятной возней корова, кричали занятые игрой ребятишки, и вдруг, точно земля разверзлась, глухо звякнул и загудел потревоженный колокол, эхом отозвавшись в душе. И вспомнилось мне, что в старину звон этот звали Божьим гласом и слушали его не иначе как перекрестясь.

Согнувшись и пошатываясь от тяжести, мужики направились к берегу, выбирая путь посуше и поровней, точно боясь расплескать густой раскатистый гул, еще звучавший в ушах дальними отголосками.

Из дома вышла хозяйка и, провожая колокол глазами, попросила: «Вы уж, батюшка, не забывайте нас. Приехали бы, у нас дети некрещеные, дочка у меня больная, инвалид с детства...»

По реке все так же гулял ветер, морща мутную вешнюю воду и раскачивая прибрежные кусты; деревня с махавшими нам вслед ребятишками удалялась; вот стали видны только темные козырьки крыш да округлые контуры старых ив, еще не одевшихся листвою; вот и они пропали, сменившись серой полосой ольшаника. Иван Иванович в своей линиялой фуражке с молоточками на околыше был похож на морского капитана. И лицо его было так же сурово и обветренно, и смотрел он куда-то вдаль, куда и положено смотреть капитану, и был сдержан и немногословен, и мне стоило немалого труда узнать, что он всю жизнь проработал на железной дороге. Лодочный мотор стучал ровно и весело, точно понимал, что возвращается домой, что на Мстинском Мосту хозяин взвалит его на

плечи, отнесет в сарай и еще раз по винтику переберет и смажет машинным маслом и солидолом.

В самом конце пути, когда уже явственно слышался дробный прерывистый перестук проходящих по мосту поездов, он все же заглох. К берегу мы подходили на веслах, долго копались и прилаживались, прежде чем выволочь грузное тело колокола из лодки и поднять наверх, к ожидавшему нас «уазику».

В середине лета, когда завернули неожиданные холода, мы снова отправились в Низовку. И снова Иван Иванович Адамов невозмутимо сидел на корме и зорко глядел вперед, чтобы на обмелевшей реке не напороться на камень и обойти мели. Отец Дмитрий был в пальто, надетом поверх черного подрясника, а я кутался в дождевик, предложенный мне Иваном Ивановичем, и все равно дрожал от зябкой речной сырости.

В Низовке отца Дмитрия ждали. Просторный дом Анастасии Семеновны Васильевой был полон народу, подходили еще. То и дело хлопали двери, и принаряженные молодые мамы приводили своих умытых и причесанных чад, подталкивая их к батюшке, занятому последними приготовлениями к таинству крещения. Непривычная суэта, воцарившаяся в доме, тихие шелестящие слова, которыми односложно обменивались притихшие в прихожей женщины в платочках и со свечками в руках, густой гулкой голос священника, отдававшего короткие малопонятные распоряжения, пугали детей, они жались к материнским подолом, не решаясь войти в горницу, где стояла купель с водой и пахло растопленным воском и ладаном. А когда вошли, наконец, робкой, нерешительной кучкой и встали, как велено, самый маленький не выдержал, распустил губы и заревел. Глядя на него, всхлипнул и залился другой, за ним - третий, и через минуту рев оформился в хорошо слаженный хор со своими солистами, перепеть который отцу Дмитрию стоило усилий. Но мало-помалу детишки успокоились и сквозь невысохшие слезы с опасливым интересом стали следить за всем, что происходило в этой большой светлой комнате с иконами в красном углу...

Вышли они сияя и теребя крестики на груди. В доме сразу сделалось как-то светлее, просторнее, хотя людей здесь не ubyло, а прибавилось еще, и у каждого было дело к батюшке. Каждому он улыбался, говорил простые сочувственные слова, и они казались значительными, важными для всех, кто слушал его, держа в руках только что купленные молитвенники и иконки. Из всех, кто подходил к нему, наверное, только восьмидесятишестилетняя баба Настя еще помнила те давние времена, когда в деревню точно так же приезжал батюшка, только служил он тогда не в избе, а в часовне, над которой празднично трезвонили колокола. Но пустая часовня служила теперь обиталищем крыс и мышей, и не было в округе купца Поташева, который взялся бы на свои средства заново отстроить ее.

Не нашлось такого человека и в Выставке, куда мы приехали в день Покрова Пресвятой Богородицы, дважды по пути застряв в непролазной грязи. Погода на праздник выдалась теплой и солнечной, закиданная листьями дорога тарасилась в ясное небо мутными зенками луж, напоминавших временами пруды и озера, но Николай Иванович на своем выдавшем виды "козле", обитом железом, до поры до времени умудрялся благополучно форсировать их. Однако после того как свернули на какой-то еще более глухой и непроезжий тракт, наш похожий на карету автомобиль, обиженно булькнув выхлопной трубой, плотно сел посреди необъятной лужи. В кабине осталась Лидия Павловна, не выпускавшая из рук сумки с просфорами, иконками и книжками, а мы с отцом Дмитрием выбрались на обочину и долго возились, подкладывая под колеса ветки и толкая машину сзади, пока она не выползла из дорожной хляби. Заляпанные грязью, взмокшие и усталые, мы еле отмылись в придорожной канаве. В ближайшей деревне выяснилось, что занесло нас совсем в другую сторону. Еще раз пройдя через те же передрыги с бестолковым топтанием в грязи, мы, наконец, выкатились на деревенскую улицу, вытянувшуюся вдоль реки.

Подпертая колышками часоуенка, заметно покосившаяся набок, была слишком стара и ненадежна, чтобы служить в ней молебен. Собрались в доме Риммы Александровны Климентьевой. Маленькая сухонькая хозяйка и ее бойкие помощницы (все в годах почтенных) быстро и незаметно сделали все, что требовалось для предстоящего богослужения. На стол в большой комнате поставили ведро с водой, укрепив по бокам зажженные свечи, стулья вынесли, скатали половики...

На той стороне Мсты темной зубчатой стеной тянулся потухший к холодам лес, под окном широко растопырилась старая осина, а с ковра на стене перед громоздкой, с никелированными шишечками кроватью брели к водопою олени и цвели вокруг них диковинные цветы. На кухне бречала и звенела посуда, хлопали одна за другой двери. Лидия Павловна принимала записочки "о здравии" и "о упокоении", торговала свечками и между делом расспрашивала знакомых старушек о житье-бытье. Народу собралось много, приехали даже из-за реки, и в доме, казавшемся таким вместительным, стало тесно. Но, когда началась служба и густой протяжный голос отца Дмитрия поплыл по комнате, наполняя ее берущими за душу словами молитвы, места хватило всем - и даже тем, кто замешкался и пришел позже. Были тут старики и старухи, весь свой долгий век вековавшие в Парнях, Девкине, Красной Горке, Серегеже или здесь, в Выставке, были не успевшие уехать дачницы, были и молодые мужики, неумело крестящие лоб, и их жены, и дети, во все глаза глядевшие на батюшку в красивом голубом облачении, на его широкую окладистую бороду, на мерцавшее тусклым жаром кадило, на кисточку, которой он, обмакнув ее в ведерко, кропил всех святой водой...

За узорными занавесками с летней беззаботностью сияла и поблескивала Мста, и если бы не дубок на берегу, жалко трепыхавший на ветру бурными скрученными листьями, да не лохматые пряди пожухлой осоки, легко было поверить, что лето еще не ушло, и старикам, которые, не скрывая слез, внимали каждому слову молитвы, еще рано собираться на зиму к детям, в чужие постылые города, рано заколачивать досками родимые окошки, моля Бога о том, чтобы дал помереть не там, а дома, среди покоя и тишины.

Все эти затерянные в глуши деревеньки, сторонящиеся больших дорог и жмущиеся к озерам и рекам, отец Дмитрий исходил и объездил за три с лишним года с тех пор, как перебрался с семейством в Малую Вишеру, став здесь настоятелем только что открывшейся церкви святителя Николая. Построенная тщанием богомольных старушек, она возрождалась, взамен некогда разрушенной, с миру по нитке, и молодой ее настоятель иерей Дмитрий Шкодник продолжил то, что до него было начато, собрав для начала все сохранившиеся в районе колокола, в том числе и тот, что мы с такими приключениями везли из Низовки, и тот, что нам сняли с пожарного столба в Выставке, наказав приехать туда еще раз. Далеко не везде отдавали колокола охотно, усматривая какую-то корысть, а то и вовсе не отдавали, и тогда куда более настырные и расторопные охотники за цветными металлами, коих в последнее время развелось так много, не спросясь, среди ночи темной увозили их неизвестно куда. Но, слава Богу, все растащить они не успели, и теперь по праздникам плывет над городом колокольный звон, наполняя душу светом.

В храм несут и чудом сохранившуюся церковную утварь, и старинные иконы. За самыми большими из разоренных церквей и часоуен отец Дмитрий ездил сам, добираясь до места где на тракторе, где пешком. Так были обретены икона святой преподобномученицы Анастасии, Иверская икона Божией Матери, за которой пришлось ехать аж в другой район.

Человек он деятельный, за все берется, и все у него с Божьей помощью получается; и даже люди вздорные и самолюбивые, гордящиеся своей неуступчивостью, и те подчиняются ему - заходит ли речь об очередной поездке в очередной медвежий угол или о том, чтобы выделить детскому приюту конфеты и пряники к Рождеству, а старушкам - муку и постное масло. Как у него на все хватает времени и сил - знают только он, матушка Вера Николаевна да тетя Анна Кузьминична, которая когда-то и подвигла его на этот путь.

Иногда мне кажется странным, что он был обычным школьником, учился в автодорожном техникуме, служил в армии и до поступления в духовную семинарию мало чем отличался от всех остальных. Под Шепетовкой на Украине живут его родители, три брата и сестра, по которым он очень скучает и радуется, когда они приезжают в гости. Все они неуловимо похожи друг на друга. На любительских фотокарточках, где все семейство, улыбаясь, смотрит в объектив, отец Дмитрий, даже если на нем нет рясы и наперсного креста, кажется старше других, и не годами, а чем-то куда более значительным и важным. Жизнь его, состоящая из того, что есть во всякой жизни, исполнена еще и тем высоким и светлым смыслом, который так трудно выразить словами и который так ясен и понятен, когда бываешь в церкви.

Вечно он куда-то спешит и помимо прямых своих обязанностей взваливает на себя бездну чужих забот, которые воспринимает как свои, всерьез расстраиваясь и сердясь, когда что-то не выходит. Зато как весел и доволен бывает он, когда ему удастся о ком-то похлопотать, что-то устроить, кому-то помочь! Церковь его неустанными трудами преобразилась, приобрела то благолепие, какое и должно быть в православном храме. В будние дни народу на службах бывает немного, но, кроме старушек, все чаще можно увидеть здесь молодые лица. Кто-то приходит от случая к случаю, кто-то заглядывает из любопытства, а кто-то остается и приходит опять и опять...

Но идут не только на службу и не всегда с добром. По ночам стучатся бродяги и, дыша винным перегаром, умоляют дать денег, сочиняя на ходу душеспасительные сказки с неперемными клятвами возратить долг «тут же, как только...». Загулявшие молодцы, колотя палкой по забору, требуют батюшку для пьяной исповеди... И он выходит, кого-то увещевает, кого-то ругает, кому-то дает хлеба...

Кого только не притягивает к себе стоящая в окружении трех дорог и городского кладбища церковь! Вся она, от крылечка до куполов, увенчанная серебристыми крестами, от дома, сторожки, амбара и бани до колодца и огорода, на виду, как на виду и жизнь самого отца Дмитрия. Но несмотря на это, какие только небылицы не сочиняются в воспаленных завистью умах, какие только сплетни не плетутся на пустом месте... «Как мы быстры на зло и как медленны на добро!» - восклицал святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Легче поверить заведомым бредням, чем тому, например, как в пост священник, отложив все свои дела, обходит больничные палаты, исповедуя и причащая измученных хворью людей, или тому, как помогает он неизлечимо больной четырнадцатилетней девочке перенести страдания, хлопочет насчет машины, чтобы отвезти ее на операцию и привезти обратно, достает для нее деньги и лекарства...

Легче всего этого не видеть, не знать, не подозревая, как тяжело отпевать умерших в расцвете лет людей, как трудно смириться со смертью детей, нищетой, пьянством, ожесточением душ, ложью и клеветой... Священник не может закрыть на это глаза, делая вид, что ничего не происходит.

Облачившись в куртку и надев на голову берет, он цепляет к тележке громыхающий молочный бидон и отправляется за водой на колонку, потом встречает Варю из школы, а Мирона - из садика. Если у сына хорошее настроение, он балагурит, ёрзая на раме отцовского велосипеда, и задает ему бесчисленные вопросы, а если, не дай Бог, устал и не выспался - сердито молчит и глядит по сторонам. Обладая характером живым и непоседливым, он никого, кроме отца Геннадия, не боится. И когда тот приезжает из Петербурга к Шкодникам погостить, с опаской на него поглядывает и потихоньку интересуется, скоро ли чужой батюшка уедет. Еще года два тому назад, когда его спрашивали, кем он будет, когда вырастет, Мирон, не задумываясь, отвечал, что будет, как папа, покойников отпевать. Теперь он иначе смотрит на свое будущее и, примеряя офицерскую фуражку, подаренную ему дядей Славиком, поочередно решает быть то моряком, то десантником. А недавно заявил, что будет ловить рыбу, как апостол Петр.

Что касается Вари, то она уже год отзанималась в музыкальной школе и на зависть брату довольно бойко исполняет на фортепьяно простенькие вальсы и этюды. Мирон в долгу не остался, научился играть гаммы, но первоклассницу Варю его успехи не удивили, и она сказала, что это ерунда, вот попробовал бы он решать задачи...

Мирону, однако, тоже есть чем гордиться. К Пасхе ему сшили замечательный, с золотым шитьем стихарик. Он надел его к полунощнице и важно прогуливался перед алтарем, пока шла служба. В церкви яблоку негде было упасть, но Мирона это ничуть не смущало, и он протискивался в толпе, куда ему было надо, то выходя на улицу, тоже заполненную народом, то залезая на хоры, к маме, и глядя с высоты на горящие внизу свечи, на иконостас и царские врата, на людей, стоящих внизу. Когда к заутрене зазвонили колокола, он запросился на колокольню, но матушка его туда не пустила. Зато он видел крестный ход и сам шел с маленькой свечкой, заслоняя ее ладошкой, чтобы тоненький стебелек живого огня не задуло ветром...